

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.19>

Коновалов Константин Владимирович

ФИЛОСОФСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АНДРЕЯ КУРБСКОГО: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКУЮ ПАРАДИГМУ

Статья посвящена противоречивому и многогранному идейному наследию Андрея Михайловича Курбского (1528-1583). Курбского отличает широта взглядов в привлечении различных источников как из переводной литературы с православного Востока, переводов, бытовавших в России, так и с Запада. По мнению автора, самостоятельные сочинения и переводы Андрея Курбского отражают его эсхатологическую парадигму: наступающий конец света и конечную борьбу сил добра и зла, сражение между гнозисом и неведением. Битву с силами зла, антихриста, а также борьбу с гетеродоксами Курбский понимает как духовный акт. С гетеродоксами-протестантами необходимо бороться духовно, обличая и просвещая их, но не уничтожая их физически, что уже является образцом средневековой толерантности. План переводов патристических текстов и система образования, предложенные князем Андреем, дают духовное оружие воинам-гнозистам в последней битве с силами зла.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/4/19.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 93-97. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

История философии

History of Philosophy

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 21.01.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.19>

Статья посвящена противоречивому и многогранному идейному наследию Андрея Михайловича Курбского (1528-1583). Курбского отличает широта взглядов в привлечении различных источников как из переводной литературы с православного Востока, переводов, бытовавших в России, так и с Запада. По мнению автора, самостоятельные сочинения и переводы Андрея Курбского отражают его эсхатологическую парадигму: наступающий конец света и конечную борьбу сил добра и зла, сражение между гнозисом и невежеством. Битву с силами зла, антихриста, а также борьбу с гетеродоксами Курбский понимает как духовный акт. С гетеродоксами-протестантами необходимо бороться духовно, обличая и просвещая их, но не уничтожая их физически, что уже является образцом средневековой толерантности. План переводов патристических текстов и система образования, предложенные князем Андреем, дают духовное оружие воинам-гнозистам в последней битве с силами зла.

Ключевые слова и фразы: эсхатология; парадигма; Древняя Русь; Литва; апокалиптика; образование.

Коновалов Константин Владимирович, к. филос. н.
Российский университет кооперации, г. Мытищи
spudeis@gmail.com

ФИЛОСОФСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АНДРЕЯ КУРБСКОГО: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКУЮ ПАРАДИГМУ

Письменное наследие князя Андрея Курбского вызывает у российских и зарубежных ученых живой интерес. Тем не менее, несмотря на приличное количество публикаций, посвященных политическим и филологическим воззрениям Курбского, философские идеи остаются малоизученными. Цель настоящей статьи – исследование эсхатологических взглядов князя Андрея. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать имеющуюся историографию и первоисточники; дать краткую характеристику социокультурной среды в России и в Великом княжестве Литовском; обнаружить источники, повлиявшие на взгляды Курбского, а также подчеркнуть специфику последних.

Идейные воззрения князя Андрея Курбского (1528-1583) многослойны и многогранны, так же, как и его жизнь. Посмеем отделить Курбского-литератора, богослова, философа от Курбского в жизни, Курбского мифологического от реального князя. Агиографический образ, созданный в текстах князем Андреем о себе самом, отличается от Курбского-человека. В жизни для Курбского были характерны как геройские подвиги во время сражений (например, в 1552 г. осада Казани), так и весьма неприглядные бесчинства (как в случае с заключением евреев в яму с пиявками). Было бы ошибочным видеть в Курбском либо образ предателя Родины, либо невинного политического диссидента, вынужденного иммигрировать из «тоталитарной» Московии.

Начало творческого пути Андрея Курбского относится к жизни в Московской Руси приблизительно с 1560-х годов [12, с. 115]. Андрей имел возможность общаться с виднейшими интеллектуалами и книжниками своей эпохи: родным дядей Василием Михайловичем Тучковым (ум. 1548), Феодоритом Кольским (1481-1571), протопопом Сильвестром (ум. ок. 1565), митрополитом Московским и всея Руси Афанасием (ум. после 1568), Корнилием Псково-Печерским (1501-1570) [5, с. 90]. Определенное влияние оказали книжник и переводчик инок Силуан (1-я пол. XVI в.) и Артемий Троицкий (ум. ок. 1575): «...такое же и отъ живыхъ учителей нашихъ, Максима многостарадного и Артемия отца, нового исповедника...» [11, стб. 442]. Особенно важен тот факт, что себя князь Андрей считал учеником Максима Грека (Триволиса) (1470-1556). От инока Максима Андрей узнал факты об истории Византии, а также перенял любовь к грамматическим штудиям. Сам князь считал важным перевести «Источник знания» Иоанна Дамаскина (2-я пол. VII в. – до 754), в чем видел завет афонского инока.

Основной же творческий этап Андрея относится к периоду эмиграции с 1564 г. Кратко перечислим известные факты социальной обстановки в Великом княжестве Литовском, в котором оказался князь-диссидент.

Во-первых, Великое княжество Литовское традиционно было толерантным, терпимым к любому религиозному инакомыслию. Так, «в 1552 г. королевским указом были запрещены постановления старостинских судов по духовным делам, и это положило конец судебным расправам над еретиками... На сейме 1562-1563 гг. все христианские конфессии получили равные права на территории Великого княжества Литовского. В январе 1573 г. на Варшавском сейме была подписана “конфедерация”, в которой провозглашено равенство прав шляхичей любой деноминации и обязанность короля соблюдать религиозный мир» [8, с. 233]. Однако уже с правления польского короля Сигизмунда III Вазы (1566-1632) началось свертывание реформ. Пагубно сказались унии в 1595 (Рим) и 1596 гг. (Брест).

Во-вторых, при дворе князя Ю. Ю. Слуцкого (ок. 1531-1578) на рубеже 1560-1570-х гг. жили «ученые мужи», с которыми Курбский поддерживал переписку. Одним из этих мужей, Марка-Умара Сарыхозина, князь Андрей приглашал к себе заниматься переводами трудов отцов Церкви.

В-третьих, в 1576-1577 гг. в Остроге возникла школа, а в 1585 г. – православная Академия, которая ориентировалась на иезуитские образцы и коллегии кардинала Франсиско Хименеса (1436-1517), но была предназначена для «русинов». Как видим, общество Литвы находилось в состоянии жесткой конфессиональной конкуренции, что резко отличалось от ситуации в Московской Руси.

Оказавшись на территории Литвы, князь трансформируется в ревностного защитника ортодоксии, что не было неожиданным. Ведь, будучи на Руси, Андрей общался с интеллектуалами своего времени и задавался актуальными философско-религиозными вопросами: вопросами о чистоте веры, о социальной справедливости... Будучи в Литве, Курбский основывает книжный кружок в Миляновичах (1572 г.), в который привлекает наиболее образованных сотрудников: выпускников Краковского университета шляхича Амброджия (до 1575 г.) и М. А. Оболенского (до 1577 г.), Станислава Войшевского (с 1577 г.). Андрей в уже зрелом возрасте учит латынь, а также покупает на собственные средства необходимые для перевода книги Василия Великого, Иоанна Хризостома, Григория Назианзина, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина, Никифора Каллиста, Григория Паламы и многих других. Сильно князь переживал за библиотеку, оставленную в Руси во время бегства, и книги, украденные в Литве.

В литературной деятельности Курбского отличает широта взглядов в привлечении различных источников как из переводной литературы с православного Востока, переводов, бытовавших в России, так и с Запада. Так, в агиографический свод, составленный Курбским, был взят за основу “De probatis sanctorum historiis” Лаврентия Сурия (Laurentius Surius) (1522-1578) [6, с. 9], «оттуда были заимствованы не только творения Симеона Метафраста и многих других восточнохристианских писателей от Афанасия до Михаила Пселла, но и произведения латинских авторов: Иеронима Стридонского, Амвросия Медиоланского, архиепископа Вьенского Адона, Петра Дамиани, писавших до разделения церквей в 1054 г. и в первые годы после раскола» [5, с. 55]. В. В. Калугин отмечает: «Свод Курбского – исключительно важный и ценный памятник, появившийся во время религиозных и культурных брожений в Великом княжестве Литовском накануне Брестской унии 1596 г.» [10, с. 7-8]. Использовал Курбский и труды гуманистов: Конрада Геснера (1516-1565) “Onomasticon prioriorum nominum, primum” и толковый словарь Амброзио Калепино (1435-1511). «Лексикон Свиды», столь авторитетный для Максима Грека, Курбский в своей переводческой деятельности не использовал. В конце 1570-х гг. в кружке Курбского переведена «Логика» (“*Erotemia trivii*”) Иоанна Спангенберга (Johannes Spangenberg) (1484-1550). Подобное широкое обращение к западным католическим авторам, к латинским переводам мы бы сравнили с книжной деятельностью архиепископа Геннадия (Гонзова) (ок. 1410 – 1505) и митрополита Макария (1482-1563). Не стоит забывать и обращение Максима Грека и инока Силуана к латинским текстам при переводе Псалтири. Несомненно, литературная деятельность князя Андрея имела острополюемический характер. С одной стороны, князь выступал против католиков, с другой стороны – против реформаторов и иудеев. Курбский «принял вызов и вступил в открытую полемику с католицизмом, в которую вслед за тем включились другие православные центры Острога, Львова, Вильны и Слуцка» [5, с. 91]. Известная литературная борьба Андрея Курбского и его друга Константина-Василия Острожского (1526-1608) против блестящего проповедника иезуита Петра Скарги (1536-1612) за ортодоксию велась, как отмечают исследователи, схожими с оппонентом методами: создание религиозных братств и подготовка сводов житий святых, причем латинян князь бил их же оружием – переводами сочинений западных отцов Церкви (У Скарги “*Zywoty swietych*”, 1579; «Жития святых») [1, с. 14; 8, с. 234]. «Однако в распоряжении князя Андрея при этом был сильный аргумент: православие – вера в отцов, с глубокой древности объединявшая русские земли, истинная и исконная вера воителей Христа. В арсенале Скарги подобного аргумента не было» [8, с. 234]. Идеологических противников, помимо латинян и протестантов, Курбский также видел в иудаизме и в жидовствующих: «Евреи бо, паче реку Каияфяне, по вознесении Христове сопротивляясь апостолом и святым всемъ, и поднесъ беспрестани на соборишихъ ихъ зломудрецы ихъ умышляючи, портят словеса священная, въ Моисеи лежащая и во пророцехъ ихъ предиреченное о Христе нашем» [11, стб. 402]. Как видим, в словах князя Андрея нет ни тени так называемого «кровавого навета», столь характерного для Западной Европы, есть только обвинение иудеев в практике замалчивания имени Иисуса и в порче древних текстов. Далее Курбский традиционно критикует мессианские ожидания иудеев, а реформаторов – в жидовстве: «А ждутъ, богоборныя, вместо Христа антихриста, хотяща пущена быти отъ отцы ихъ диавола на прельщение и пагубу роду християнскому. А новые отъ частыхъ расколы деющихъ учителяи ихъ растленны, и православные бы имъ не во всемъ верили...» [Там же].

Сам Курбский понимал «книжную справу», сравнительное изучение текстов, а также работу над переводами житий с латыни как средство обращения к наследию ортодоксальной Византии. Некоторые исследователи (А. И. Филюшкин, В. В. Калугин, А. В. Каравашкин) слегка преувеличенно склонны видеть в Курбском «просвещенного ортодокса», оказавшегося на грани двух тенденций: с одной стороны, отстаивание наследия патристики – «постоянный референ в полемических посланиях Курбского»; с другой – «переводческая деятельность, изучение “богомерзкой” латыни и соблазнительной западной учености неизбежно влекли за собой определенную культурно-религиозную диффузию в мировоззрении» [3, с. 63; 12, с. 71]. На самом деле князь Андрей весьма далек от текстологии эпохи Ренессанса (Эразма Роттердамского и других), также у него отсутствует критика текста, столь характерная для его учителя Максима Афонца. Как верно утверждает К. Ю. Ерусалимский, «Курбский работал как традиционный книжник, хотя и с книжностью нового типа, – он приобретал печатные компедиумы и словари, вычитывал в них нужные ему факты и переводил один в один целые тексты» [цит. по: 8, с. 282].

Полагаем, что окончательное формирование и оттачивание философско-просветительских воззрений позднего, в период эмиграции, Андрея Курбского происходило в рамках эсхатологической парадигмы, связанной с апокалиптическими ожиданиями конца света. В конце XV – первой половине XVI в. в Европе и на Руси вновь возрождаются эсхатологические и хилиастические настроения. Эти настроения стали результатом кризиса эсхатологических ожиданий, который охватил христианскую ойкумену. Динамика эсхатологических ожиданий усиливается с конца XIV в., а пик наблюдается около 1492 г., когда, как ожидалось, состоится второе Пришествие Христа. «Именно в 1560-е годы в Российском царстве происходило развитие какого-то нам не до конца ясного духовного процесса, связанного как с попытками внутренней реорганизации государства (введение опричнины), так и с активацией внешней политики (переход к наступлению на Великое княжество Литовское). Можно считать доказанной связь духовного процесса с эсхатологическими ожиданиями, идеей богоизбранности Российского царства и несения им мессианской миссии в истории человечества», – утверждает А. И. Филюшкин [12, с. 117]. На Руси апокалиптические ожидания приходились на 1492, 1499, 1524, 1562 и 1569 годы. Духовный кризис князя Андрея как раз приходится на две последние даты. Доказано определенное влияние трактата Максима Грека «Слово обличительно на агарьяскую прелесть и умыслишаго ея сквернаго пса Моамефа» на эсхатологические воззрения князя Андрея [6, с. 28]. Можно также предположить знакомство Андрея с произведением «Слово пространнее излагающе съ жалостиб нестроения и бесчиния цареи и властелехъ последняго века сего» Афонца. Все же основные источники, повлиявшие на эсхатологию князя Андрея, остаются не до конца выясненными.

До своего бегства князь Андрей во Втором послании к Вассиану (Муромцеву) (ум. 1570) рисует апокалиптическую картину грядущего конца мира: «...горе, горе живущим на мори и на земли, яко разрешен бысть сатана от темницы своя на прельщение их, имея в себе ярость велию. Воистину разрешен есть по всему уже, изливал есть и прелстил страны многия и прельщает по вселенней, и отступлению от Бога научает» [11, стб. 390]. Из-за апостасии пали некогда славные царства на Востоке и на Западе [Там же, стб. 391-392]. После бегства в Литву князь вновь развивает апокалиптическую тематику.

Земная история понимается князем Андреем в плане грядущей эсхатологической развязки, в ожидании скорого конца света. Настал «век звериный» в Восьмом тысячелетии от сотворения мира [8, с. 257-258]. «Восьмой день» и «седморичное число» Курбский упоминает и в томе «Иоанна Дамаскина» в одной из глосс, ссылаясь на книгу Кирилла Александрийского. В другом месте Курбский поясняет, что Восьмой день, то есть восьмое тысячелетие, наступает со Вторым приходом Христа, «понеже осмая тысяча конца не имеет, скончаву бо ся седморичному веку, сиреч седмотисещному, осмы же есть яко огромный и свободный от числа седморичаго» [Там же, с. 258]. В предисловии к «Новому Маргариту» и «Симеону Метафрасту» князь говорит, что в наступившем «зверином веке» воевать против сил тьмы может тот, кто хорошо вооружен знаниями. С помощью знания, гнозиса искореняются козни врага и пресекаются «хитролесные злоконьства» [Там же, с. 237]. Просвещенные люди, гностики, как и священство, должны обличать и исправлять, устранять «ласкателей» и «совратителей». Если в царстве нет противодействия тирании, правители «не токмо сами всеродне ищезают, но и царства погубляют».

В эсхатологической перспективе Андрею видится и второй этап царствования Иоанна IV, когда в мае 1553 года царь выслушал диавольские речи Вассиана Топоркова (Вассиан Топорков дал прибывшему в Песношский Яхромский монастырь Иоанну Грозному совет: «Не держи собе советника ни единого мудреца мудрейшаго себя») и впоследствии распустил Избранную раду. Теперь Иоанн IV (1530-1584) есть слуга антихриста, «сопоспешник перваго зверя и самого великого дракона», «дракон внутренний» [4, с. 196; 8, с. 258], который проливает кровь новых мучеников «святорусского царства». Иоанн IV есть еретик, губящий Святорусское государство – последний оплот православия во всем мире [7, с. 328-329; 13, с. 96]. Иоанн Грозный готовит пришествие антихриста под видом христианского царства. «Образ царя-мучителя – апокалиптического зверя, дракона-дьявола и змия» является центральным в творчестве Курбского [10, с. 30].

Земная история поэтапно заканчивается победой Христа над антихристом, торжеством святости и всеобщим воскресением из мертвых: «Воистинну будувъ ездити или плавати на облацех во стретение Господне в первом воскресению» [8, с. 216]. Это есть футуристическая эсхатология, связанная с апокалиптическими ожиданиями, противоположная эсхатологии реализованной, суть которой в том, что с парусией Христа Царство Божие уже наступило. Реализованная эсхатология в позднее Средневековье как на Западе, так и на Руси к XIII в. оказалась маргинальной, вытесненной эсхатологией футуристической. Ярчайший пример

радостной реализованной эсхатологии представлен в «Слове о законе и благодати» митрополита Киевского Иллариона (ум. ок. 1055).

Только ведающий, гностик способен узреть тайные смыслы истории и успешно им противостоять. Однако стать ведающим не так просто – это есть особая трансперсональная практика, и здесь без сторонней помощи не обойтись. Необходима помощь мудрых наставников, наличие аутентичных ортодоксии книг и соответствующая программа образования. На страницах своих переводов и сочинений Курбский многократно обращается к православному шляхтичу, стремящемуся стать образованным. Причем князь Андрей понимает образование не только как процесс получения и освоения знания, но прежде всего как духовную практику, некую лестницу аскезы, ведущую ко спасению. Курбский, обращаясь к «распешенному воину», изнеженному рыцарю, призывает его к битве, в которой можно достичь высот небесного «стратижства». «Юный “рыцарь” в школе Курбского должен расстаться со своей “женовидностью”, осознать возложенную на него миссию, облачиться в “панцырь” истинного учения и храбро вступить в бой, чтобы погибнуть или стать полководцем Христова воинства» [Там же, с. 276]. В переводе «Слова» Иоанна Златоуста есть наставления к «православному шляхтичу». Рыцарь должен уметь защищать себя крестом, ибо Царь Небесный «не щит дал, не шело, не стрелу, не пансырь, не сапоги», но крест – «знамение преодоления» [Там же, с. 235]. «В твоём сражении вкупе Господь сходит, Господь сражается, Господь воюет, а преодоление тебе бывает восписано. Воевание твоё – Божие воевание есть. Брань твоё – Христова брань есть. Чему трепещешь, чему ужасаешься, якобы твоёю силою одолел. Приими зброю, грянь на брань, храбре сражайся, ижебы при сражающим был. Он, иже не знает ни единого преодоления, не может тот достати стратижства. Который бы супостата не мог победити, не може цареви приятный быти, кто бы супостаты женоугодным обретался, ани врага мог бы одолети, разве кто бы мужественно произволил братися. Одоление рыцаря – убиение супостата, а убиение супостата – почесть есть стратига» [Там же]. Если битву с гетеродоксами Курбский понимает как духовную борьбу, ни в коем случае не предполагая сожжение еретиков (в чем князь полностью согласен с мнением Нила Сорского, Вассиана Патрикеева и Артемия), то в отношении к мусульманам – противоположно как священную войну на физическое уничтожение. Конечно, здесь есть желание сравнить мысль князя Андрея с «Оружием христианского воина» Эразма Роттердамского (1469-1536). Несомненно и то, что на представления Курбского оказало заметное влияние знакомство с духовно-рыцарскими орденами Католической Церкви. Однако стоит отметить, что «воительство» князь Андрей понимает преимущественно в эсхатологическом духовном аспекте как финальную битву между светом ведения и мраком неведения, что выглядит несколько неортодоксально, даже гностически. Гетеродоксально выглядит и учение князя Андрея о «внешнем» и «внутреннем» драконах: «внешний дракон» борется против христиан явно, не скрываясь, устраивает репрессии; «внутренний дракон» опасней, так как действует тайно и под личиной христианского государя разрушает царство. Остаются загадкой гипотетические источники, оказавшие влияние на эсхатологическую парадигму князя Андрея. Что это: устные предания, беседы со старцами, апокрифы, талмудическая традиция, средневековые хилиастические секты или тексты западных латинских визионеров?.. Возможно, с традицией последних Андрей имел возможность познакомиться во время своей службы на западных рубежах Родины. Князь Андрей хорошо владел латинским языком, переводил с него, и для него не составляло труда ознакомиться с подобными текстами. Не стоит забывать то, что Иоанн Грозный также разделил с Курбским апокалиптический век тревоги и, судя по его сочинениям и политической деятельности в виде опричнины, также ожидал скорый конец мира, понимая себя как последнего православного царя. Также упомянем увлеченность политической элиты Москвы гадательной астрологией и различными видами мантики (имели хождение различные альманахи и гадательные сборники, а у Грозного был собственный гороскоп), что не могло не оказать влияние на взгляды Андрей Курбского.

Для образования православного рыцаря Курбский предлагает разработанную им самим систему, основанную на письменном наследии отцов Церкви. Сам «проект русской православной академии нигде не был сформулирован, и о том, как могли труды Курбского складываться в программу обучения, можно лишь догадываться» [2, с. 120]. Само обучение как подготовка христианского рыцаря к грядущей битве за веру выстроено в несколько этапов с соответствующими текстами: 1) знание риторики и грамматики (знание латинского и греческого языков) – «Новый Маргарит»; 2) философские концепции – «Источник знания» Иоанна Дамаскина; 3) этика – свод жития святых и «История о осьмом соборе». Ортодоксия окружена ересями, в борьбе с которыми необходимы знание философии, диалектики и логики. Каждому этапу обучения соответствует определенный набор текстов, переведенных и подобранных князем Андреем. Для обучения диалектике подходит и латинский трактат «Логика» Иоганна Спанинберга, хотя в целом Курбский негативно относится к схоластике. Знание, гнозис – это поле битвы между истиной и ложью, светом и тьмой. Знание есть некий процесс. Каждый шаг в обучении приближает к познанию Бога и ниспровергает еретиков. Знание грамматики есть первый шаг в этом процессе.

Вместе с тем Курбский высоко оценивает уровень обучения в католических образовательных заведениях и не считает зазорным поучиться у латинян. Так, Андрей пишет княгине Ивановой Чарторыжской о пользе обучения ее сына в учебных заведениях иезуитов, но предостерегает о том, что последние занимаются прозелитизмом и могут отвратить от православия: «А еже твоя милость писала еси къ намъ, иже хощещи послати его до Вильни, до Римскаго закона честныхъ презвитеров язують, и то умышление твое похвально» [11, стб. 452]; иезуиты, «не научя, первые мало не всехъ, въ неразумномъ еще будучи веку, намовя ихъ хитролестне, отлучили отъ правоверия и покрестили во своен полуверии...» [Там же]. Вместе с тем князь рекомендует ревнителям веры не входить в прения с хитрыми, поднаторевшими в ораторском искусстве иезуитами, способными

внести сомнения: «А ныне советуйте нашимъ, иже бы безъ ученныхъ наша страна не сражалися съ ними гаданными и не ходили бы к нимъ на ихъ наказанье...» [Там же, стб. 422].

Конечно, не все современники князя Андрея, как на Руси, так и в Литве, разделяли его эсхатологические воззрения, имеющие некий привкус еретичности. Некоторым шляхичам был симпатичен нарисованный московскими пропагандистами образ Иоанна IV как жёсткого, но сильного и справедливого царя. А в Москве Иван Пересветов (XVI в.) писал: «Ты, государь, грозный и мудрый, на покаяние приведёшь грешных и правду во царстве своем введёшь» [9, с. 172]. Царь – наместник Бога на земле, который внушает подданным трепет и охраняет Церковь от врагов.

Таким образом, в идеологическом основании предложенной Андреем Курбским системы образования, копирующей во многом католические школы, лежит эсхатологическая парадигма. Суть данной парадигмы заключается: в скором ожидании конца света; финальной битве между силами добра и зла; концепте о «внутреннем» и «внешнем» драконе; идее духовного рыцарства. Для подготовки духовного воина к апокалиптическим событиям Курбский разрабатывает систему воспитания и образования, внешне напоминающую программу католических учебных заведений, однако более обращённую к патристическому наследию. Можно полагать, что базирующаяся на эсхатологической парадигме философско-просветительская деятельность Курбского не связана с формированием сети образовательных институтов на местах, но направлена формирование цельного образовательного проекта, огромную роль в котором играли переведённые патристические тексты [8, с. 280-281].

Итак, эсхатологическая парадигма занимает определяющее положение в философско-просветительских взглядах Курбского, в разработанной им системе образования и в обширном комплексе книжной деятельности. Нами была предпринята попытка показать сложность, противоречивость и даже гетеродоксальность идей князя Андрея, а также выявить их возможные первоисточники. Данное исследование может послужить толчком к дальнейшей научной дискуссии об идейном наследии Андрея Курбского.

Список источников

1. «Житие Сильвестра, папы Римского» в агнографическом своде Андрея Курбского / Союз писателей России; сост., предисл. и коммент. В. В. Калугина; подгот. текстов В. В. Калугина при участии О. А. Тимофеевой. М.: Языки славянской культуры; ИХТИОС, 2003. 232 с.
2. Ерусалимский К. Ю. Православная академия на Волыни XVI в.: нереализованный проект князя Андрея Курбского // Острозька давнина: науковий збірник. Остріг: Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2014. Вип. 3. С. 113-147.
3. Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского: в 2-х т. М.: Знак, 2009. Т. 1. Исследование книжной культуры. 888 с.
4. Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского: в 2-х т. М.: Знак, 2009. Т. 2. Исследование книжной культуры. 536 с.
5. Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М.: Языки русской культуры, 1998. 416 с.
6. Калугин В. В. «Житие святителя Николая Мирликийского» в агнографическом своде Андрея Курбского / Союз писателей России; отв. ред. М. И. Чернышева. М.: Языки славянской культуры, 2003. 240 с.
7. Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 418 с.
8. Курбский А. История о делах великого князя Московского / пер. А. А. Алексеев. М.: Наука, 2015. 944 с.
9. Пересветова И. С. Сочинения / подгот. текст А. А. Зимин. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 406 с.
10. Святой Георгий Победоносец в агнографическом своде Андрея Курбского / сост., предисл., правила изд. В. В. Калугина, О. А. Тимофеевой; отв. ред. М. И. Чернышева. М.: Языки славянской культуры; ИХТИОС, 2004. 288 с.
11. Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные / изд. Г. З. Кунцевича. СПб., 1914. 622 стб.
12. Филюшкин А. И. Андрей Курбский. М.: Молодая гвардия, 2008. 299 с.
13. Черняев А. В. У водораздела русской политической мысли: переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 80-100.

PHILOSOPHICAL-EDUCATIONAL VIEWS OF ANDREI KURBSKY: A VIEW THROUGH ESCHATOLOGICAL PARADIGM

Kononov Konstantin Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Russian University of Cooperation, Mytishchi
spudeis@gmail.com

The article is devoted to the controversial and multifaceted ideological heritage of Andrei Mikhailovich Kurbsky (1528-1583). Kurbsky is distinguished by the width of views in attracting various sources from translation literature from the Orthodox East, from translations that existed in Russia, and from the West. According to the author, Andrei Kurbsky's independent works and translations reflect his eschatological paradigm: the coming end of the world and the ultimate struggle of the forces of good and evil, the battle between gnosis and ignorance. Kurbsky understands the battle with the forces of evil, the antichrist, and the fight against heterodoxy followers as a spiritual act. The Protestant heterodoxy followers must be fought against spiritually, exposing and enlightening them, but not destroying them physically, which is already a model of medieval tolerance. The translation plane for patristic texts and the education system proposed by Prince Andrew give spiritual weapons to gnostic soldiers in the final battle with the forces of evil.

Key words and phrases: eschatology; paradigm; Ancient Russia; Lithuania; apocalypitics; education.